

Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз

Н. И. Толстой

Древнеславянский как наднациональный (культурный) язык. Древнеславянский (церковнославянский) язык относится к ограниченному числу исторически засвидетельствованных общих, надэтнических (наднациональных) священных (сакральных) и культурных (книжных, литературных) языков, к которым в Европе можно отнести еще латинский и отчасти греческий языки, а в Азии – арабский, тибетский и отчасти китайский языки. Церковнославянский, так же как и греческий византийского периода, был теснейшим образом связан с православной религиозной традицией, латинский же – с традицией католической, арабский – с традицией мусульманской, а тибетский – с буддийской ламаистской традицией.

По своей исторической роли и функции в славянской среде в эпоху средневековья и в последующий период древнеславянский (церковнославянский) язык ближе всего к латинскому языку, имевшему более древнее происхождение, чем древнеславянский, и более сложный путь развития, восходящий к античности. С греческим же языком, также имевшим глубокие античные корни, древнеславянский (церковнославянский) был тесно связан своим происхождением, так как первые древнеславянские тексты были почти целиком переводными с греческого языка византийского периода.

Возникновение древнеславянского литературного языка. Возникновение древнеславянского языка и письменности хорошо зафиксировано историческими и литературными (жития, сказания) свидетельствами и памятниками. Во второй половине IX в. славяне уже занимали значительную часть центральной, юго-восточной и восточной Европы и имели свои более или менее устойчивые государственные образования, каковыми были Киевская Русь, Сербия (Рашка), Хорватия, Болгария, Польша, Чехия и Великая Моравия. В Европе, наряду с романским и германским этническими массивами, закрепился в то время третий значительный массив – славянский.

Славяне постепенно принимали христианство, а с христианством и ту систему духовных и культурных ценностей, которая требовала своего письменного, книжного, и богослужебного, устного, выражения. В 863 г. моравский князь Ростислав обратился к византийскому

императору Михаилу Третьему с просьбой о присылке ученых мужей в Великую Моравию для того, чтобы церковная служба совершалась на славянском языке. Этими апостолами, просветителями славян были братья Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий, греческие духовные лица родом из Салоник, хорошо знавшие славянскую речь из окрестностей этого города. Век спустя монах летописец Черноризец Храбр с гордостью писал, что в отличие от греков и других народов славяне знают, кто создал их азбуку и славянскую письменность. Первой славянской азбукой была «глаголица» – письмо оригинального изобретения, которое в относительно скором времени почти повсеместно было заменено «кириллицей», имевшей своим образцом греческое уставное письмо. Первые славянские тексты, в основном богослужебного характера, были переведены с греческого и сохраняли множество языковых заимствований из греческого. К сожалению, эти первые тексты до нас не дошли. Памятники, наиболее близкие к утраченным кирилло-мефодиевским текстам, немногочисленны. При этом из неполных двух десятков таких памятников лишь два относятся к X в., остальные писаны в XI в., т. е. два века спустя после миссии Кирилла и Мефодия в Моравию. Язык этих, в большинстве своем глаголических, памятников называется *старославянским*. Он отражает первый этап развития древнеславянского литературного языка, его начало.

«Изводы» (варианты) древнеславянского языка. С распространением богослужения на славянском языке, славянского письма и славянских переводов Священного писания среди южных и восточных славян появились старославянские тексты, имеющие спорадически проступающие локальные языковые черты, в основном в области фонетики и лексики. Так появились так называемые изводы (или редакции) старославянского языка: болгарский, сербский, хорватский, чешский и русский (восточнославянский). Древнейшим датированным памятником русского извода является Остромирово евангелие – евангелие, переписанное для новгородского посадника Остромира в 1056–1057 гг. С этого памятника можно начинать почти тысячелетнюю историю русского литературного языка. К тому же времени можно отнести и начало сербского литературного языка (Мирославово евангелие, конец XII в.) и болгарского литературного языка (Болонская псалтырь, начало XII в., и др.). Появление на Руси русского извода (редакции) древнеславянского языка обозначается исследователями как *первое южнославянское влияние*, обогатившее русскую литературу значительным числом памятников, в основном переводных с греческого.

Периодизация истории древнеславянского (церковнославянского) языка на Руси. Старославянский, или «древнецерковнославянский» язык – «есть литературный язык, в основе которого лежит живое народное наречие македонских славян второй половины XI столетия» (Кульбакин, 1913). Таким образом, по своему происхождению и формальным особенностям старославянский язык был южнославянским, отличающимся от восточнославянского, древнерусского языка рядом особенностей, о которых будет сказано ниже. Целый ряд южнославянских черт устойчиво сохранялся в древнеславянском языке на протяжении веков и присутствует в почти неизменном виде в богослужебном языке Русской православной церкви до сих пор. Древнеславянский (церковнославянский) язык всегда отличался консерватизмом, что типично для всех священных (сакральных) языков. Все известные в истории этого языка реформы были направлены именно на сохранение «святой старины», в то время как реформы в истории отдельных славянских литературных языков были устремлены в противоположном направлении, к новаторству, к живой стихии языка.

Первый период истории древнеславянского (церковнославянского) языка на Руси связан с эпохой после Крещения Руси в 988 г., с уже упомянутым нами *первым южнославянским влиянием*. Волею судьбы, несмотря на монголо-татарское нашествие и другие беды, разорявшие Русь, церковнославянских памятников русской редакции XI–XIII вв. сохранилось больше, чем памятников того же времени других редакций – болгарской, македонской, сербской, хорватской. Назовем только некоторые, наиболее известные памятники: Остромирово евангелие (1057), Архангельское евангелие (конец XI в.), Служебные минеи (1095–1097), Чудовская псалтырь (XI в.), Евгеньевская псалтырь (XI в.), Изборник Святослава (1073 и 1076 г.), Синайский патерик, или Луг духовный (XI в.), Слова Кирилла Иерусалимского (XI в.), Тринадцать слов Григория Богослова (XI в.) и др. Отметим при этом, что общий корпус церковнославянских памятников на Руси в XI–XIII вв. был весьма большим и широким, о чем мы можем судить по дошедшим до нас более поздним спискам.

Вторым периодом истории древнеславянского языка на Руси была эпоха *второго южнославянского влияния*, когда в XIV в. в результате турецкого завоевания православных славянских земель на Балканах на Русь эмигрировали ученые-монахи – писцы и книжники, и когда вновь установились довольно тесные связи с Константинополем и Афоном. К тому же Русь после Куликовской битвы (1380) освободилась

от татарского гнета, а сербы и болгары после битвы на Косово (1389) и падения престольного Тырново (1393) только начинали испытывать всю тяжесть иноземного и иноверного ига. В конце прошлого века академик А. И. Соболевский так охарактеризовал языковую и литературную ситуацию указанного периода: «Значение южнославянского влияния на русскую письменность в XIV–XV веках очень важно. Благодаря ему русская письменность обновилась во всех отношениях. <...> Необходимо признать, что по окончании южнославянского влияния русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое и что вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам». В это же время были заменены неисправные тексты богослужебных и других книг и произведена реформа орфографии и даже графики.

В истории древнеславянского (церковнославянского) языка в России выделяется и третий период его развития – период XVI и XVII вв. Некоторые ученые, например проф. Б. А. Успенский, называют его «третьим южнославянским влиянием», что, однако, весьма неточно, так как влияние на русскую (великорусскую) книжность и церковнославянскую традицию шло не от южных славян, а из Юго-Западной Руси, от малорусской и белорусской книжности. В то же время именно в эту пору под воздействием позднего русского варианта церковнославянского языка оказались и сербы, и болгары, и даже хорваты-глаголяши, т. е. произошло русское влияние на южнославянскую православную и католическую «глаголяшскую» церковно-книжную среду. Так, вышедшая в 1581 г. в Западной Руси, в Остроге знаменитая Острожская библия, в основе которой лежит русская новгородская Геннадиевская библия 1499 г., явилась языковым образцом и нормой для большинства книжников, придерживавшихся церковнославянской традиции. Если в XI–XV вв. центр церковнославянской книжности был на славянском Юге, то в XVI–XVIII вв. он переместился на славянский Восток. Таковой была языковая ситуация в славянском культурном мире *Slavia Orthodoxa*, т. е. в мире православного славянства. И все же пора условно называемого «третьего влияния» имела общие черты с предшествующим или предшествующими влияниями. Происходила та же эллинизация, т. е. обращение к греческим образцам, что и на начальных этапах предшествующих периодов, велось при этом исправление богослужебных и вообще церковных книг («книжная справа»). Это явление достигло своего апогея на Руси в XVII в., во время патриаршества Никона (1652–1658),

когда разное отношение к «книжной справе» привело к расколу. При этом обе враждующие и непримиримые стороны защищали принцип «святой старины», т. е. консервативности формы, языка и смысла церковных текстов.

Четвертый период истории церковнославянского языка на Руси охватывает XVIII в., отличающийся вытеснением этого языка из ряда книжных жанров в связи с перестройкой всей жанровой системы русского языка и общим стремлением синтезировать церковнославянскую и русскую языковую стихии. Характерной чертой этого периода является создание упрощенного варианта русского церковнославянского языка, на котором писал ряд своих сочинений Феофан Прокопович. Его книги были весьма популярны и в южнославянской – сербской и болгарской среде. В то же время деятельность переводчиков на церковнославянский язык (например, с польского) продолжалась до конца XVIII в., хотя и не выходила за рамки рукописной традиции. Наконец, был кодифицирован церковнославянский текст Библии (так называемая Елизаветинская библия 1751 г.), принятый Русской православной церковью и оставшийся без изменения до наших дней. В Петровские времена выявилось стремление сделать церковнославянский язык не только языком церкви и традиционной книжности, но и языком науки. Таким образом, церковнославянский обрел те же функции, что и латынь на Западе и в славянских неправославных странах. Примером такого применения церковнославянского языка может служить «Арифметика» Л. Ф. Магницкого (1703). Эта тенденция сохранилась и в современном русском языке, научный «подъязык» которого богат церковнославянизмами (к примеру, мы говорим и пишем *здоровоохранение*, а не *здоровьеохранение* или *здоровьесбережение*; сам суффикс *-ние* книжного характера).

Пятый период, охватывающий XIX и XX вв., отличается полным отделением церковнославянского языка от светского и ограничением его функций как чисто церковного, сакрального языка. Тем не менее и в этих довольно узких рамках его развитие продолжалось и продолжается по сей день, так как появляются новые тексты в связи с канонизацией святых и другими потребностями. В настоящее время существуют три типа литургического «новоцерковнославянского» языка (по терминологии В. Ф. Мареша): православный русский тип (у русских, сербов, болгар и македонцев), хорватский глаголический тип (у хорватов-католиков), чешский тип (с 1972 г. у чехов-католиков). Число церквей-приходов с богослужением на новоцерковнославянском языке хорватского и чешского типов незначительно.

Древнеславянская литература. Древнеславянский (церковнославянский) язык был языком не только православного славянского (и валахо-молдавского) богослужения, но и языком единой древнеславянской литературы, функционировавшей и развивавшейся с X по XVIII в. включительно, т. е. в течение почти целого тысячелетия. Эта литература обладала не только единым языком, но и единым составом текстов-произведений, постоянно пополнявшимся и обновлявшимся новыми списками и новыми, нередко анонимными, авторами. Начиная с времен Кирилла и Мефодия эта литература имела не только церковный, но и светский характер. В качестве примера древнейшего светского произведения можно привести юридический памятник IX в. «Законъ судный людьмъ», который дошел до нас в более поздних русских списках (XIII–XIV вв.). На первом этапе развития общей древнеславянской литературы преобладали переводные греческие, византийские произведения, такие как исторические хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы и Георгия Синкелла, «Христианская Топография Козьмы Индикоплова», хронографы, повести, патерики и жития, апокрифы. Они принесли на Русь и в другие православные славянские страны ядро византийского книжного богатства и образованности. Но в тот же ранний период существования древнеславянской литературы на Руси читались и умножались в списках оригинальные памятники письменности южнославянского (болгаро-македонского и сербского) и западнославянского (чешско-моравского) происхождения: на Руси были популярны «Житие Вячеслава Чешского», «Житие Людмилы Чешской», «Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского», сказание «О писменехъ» Черноризца Храбра. В то же самое время оригинальные древнерусские произведения воспринимались в православной южнославянской среде как свои, как принадлежащие единой древнеславянской книжной традиции. Так, рано на славянском Юге стали известны «Житие Бориса и Глеба» и «Житие Феодосия Печерского».

Таким образом, древнеславянская литература, как и древнеславянский литературный (книжный) язык, которым эта литература пользовалась, была надэтнической, наднациональной литературой, подобно европейской средневековой латыни, имевшей свою богатую литературную традицию, восходящую еще к античным временам. У западных славян и южных славян католического вероисповедания (хорватов и словенцев) была распространена средневековая латинская литература, и в их среде было немало писателей-латинистов, т. е. представителей этой литературы.

Славянский литературно-языковой, религиозный и культурный ареал делился и делится до сих пор на два больших массива – *Rex Slavia Orthodoxa* (Мир православного славянства) и *Rex Slavia Latina* (Мир латинского славянства). Эти два культурных мира стали выделяться и очерчиваться после разделения церковью православной и католической (1054 г.), после изгнания учеников Кирилла и Мефодия из Великой Моравии и Чехии (конец X в.), приведшего к угасанию книжной и литургической кирилло-мефодиевской традиции в этих землях. Тем не менее культурное, языковое и литературное взаимодействие двух славянских миров осуществлялось во все время их существования и продолжается до сих пор.

Взгляды ученых на происхождение русского литературного языка. Известный русский филолог В. В. Виноградов в 1938 г. писал: «Русским литературным языком Средневековья был язык церковнославянский». Этим он высказал не только свой взгляд и определил не только свою позицию, но и взгляд и позицию своих предшественников, а теперь, более чем полвека спустя, можно сказать – и последователей. Действительно, в русской науке такой позиции придерживался А. И. Соболевский, писавший в 1904 г., что «русским литературным языком сделался церковнославянский язык русского извода», и А. А. Шахматов, полагавший в 1911 г., что «по своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский язык», и ряд других ученых. Однако сразу после Второй мировой войны, в 1946 г., С. П. Обнорский попытался выдвинуть противоположную версию, защищая «положение о русской основе нашего литературного языка, а соответственно – о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности проникновения в него церковнославянских элементов». С ним не согласился Б. О. Унбегаун, который, анализируя процесс эволюции русского литературного языка «с киевского периода до наших дней», в 1968 г. сделал заключение, что положение о непрерывности развития «неизбежно приводит к выводу о церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося». Такая трактовка не удовлетворила Ф. П. Филина, который в 1981 г. после ряда рассуждений заявил, что «теория А. А. Шахматова (и ухудшенный ее вариант Б. О. Унбегауна) должна быть сдана в архив». Но спустя еще несколько лет, в 1987 г., рассмотрев подробно языковую ситуацию в Киевской Руси, Б. А. Успенский определил, что «с Крещением Руси функции русского и церковнославянского языка противопоставляются, и церковнославянский язык приобретает значение

литературного». Дальнейшая дискуссия еще больше прояснит языковую ситуацию в Древней Руси, но есть все основания предполагать, что в архив придется сдать теорию С. П. Обнорского вместе с ее вариантом, принадлежащим Ф. П. Филину.

Русский пласт в литературном языке Древней Руси и система жанров в древнерусской письменности (литературе). Относительно одной сферы письменного древнерусского языка, а именно языка права и правовых (юридических) памятников и документов, не существует разногласий в определении языковой основы. Все русисты – историки русского литературного языка сходятся на том, что это язык не церковнославянский, а русский, отражающий, видимо, еще дописменную традицию – устное обычное право. По этому поводу Б. О. Унбегаун писал, что «язык древнейшего законодательного свода Русской Правды XI в. (но известного в списках не ранее конца XIII в.) является чисто русским и, за исключением единичных выражений, совершенно свободным от церковнославянского влияния. Применение русского языка, однако, не ограничилось областью права. На нем писались все документы, частные и общественные, имевшие какую-либо юридическую силу, т. е. все, что вплоть до XVII в. носило название грамот. <...> Это сосуществование двух различных письменных языков – церковнославянского литературного и русского административного – является самой оригинальной чертой языкового развития в России». Очевидно, что речь идет об особом жанре или группе однородных жанров, которая автономна в сфере языка и стиля по отношению к другим жанрам или ко всей жанровой системе литературного языка.

Древнеславянскую и примыкающую к ней древнерусскую систему жанров можно схематически представить в виде иерархически организованной пирамиды, состоящей из ряда слоев, в которой доминирующими слоями являются: [1] религиозно-литургические, т. е. богослужебные тексты; [2] религиозно-гимнографические тексты; [3] агиографические и [4] панегирические тексты. Эти первые четыре жанра представляют собой сакральную вершину пирамиды, в которой язык и текст строго нормированы и предельно консервативны. К следующим, ниже расположенным слоям относятся три жанра: [5] религиозно-учительная литература; [6] церковно-юридическая (кормчие, номоканоны); [7] апокрифическая литература. Последняя находится на грани церковной и светской литературы, так как некоторые принадлежащие ей тексты являются «отреченными», т. е. отвергнутыми церковью. За перечисленными семью «слоями» следуют еще семь

слоев (жанров) уже светского характера. Их последовательность такова: [8] литература историческая; [9] повествовательная; [10] паломническая; [11] натуралистическая и философско-филологическая; [12] светско-юридическая; [13] деловая письменность; [14] бытовая переписка. Самым низшим, базовым слоем оказывается устная народная словесность (фольклор), в котором нет ни письменного (литературного) языка, ни письменной фиксации.

Церковнославянский язык господствовал в первых семи жанровых слоях. В исторической повествовательной и паломнической литературе, сохранявшей церковнославянские традиции, доступ народному, или «простому» русскому языку был значительным, и с каждым веком он возрастал. В деловой и бытовой письменности, как отмечалось выше, церковнославянский язык почти отсутствовал.

С изменением структуры жанров, которое началось еще в XVII в. и даже раньше и приняло в России почти «революционный» характер в XVIII в., активное вытеснение церковнославянского языка русским языком возрастало. В то же время происходило изменение в структуре церковнославянского языка и приспособление его к светским стилям литературного языка.

Сближение церковнославянского языка с русским языком и теория трех стилей в литературном языке XVIII в. Существовавшие в России до XVIII в. диглоссия, т. е. функционирование двух языков, находящихся в дополнительном распределении, и двуязычие, т. е. употребление двух языков в одной и той же сфере, было в XVIII в. заменено достаточно сложной и в то же время богатой возможностями системой стилей. С упадком старой книжной языковой культуры в среде высшего образованного сословия, с проникновением в это сословие французского языка и его стилистических особенностей происходило столкновение церковнославянской традиции и новых для русского человека форм европейского «благородного» стиля. Столичное петербургское высшее общество искало пути синтеза церковнославянского торжественного витийства с французским красноречием. Не случайно поэтому французские поговорки и пословицы нередко переводились не на простой русский язык, а на возвышенный церковнославянский. Так, французское *trainer une misérable existence* было передано не как *тащить убогую житуху*, а как *влачить жалкое существование* и т. п. В литературу постепенно входила и обиходная речь петербургских и московских салонов и даже элементы просторечия, что размывало прежние границы между книжной и разговорной речью, между церковнославянским и русским языками.

Новые процессы и сдвиги в литературном книжном и разговорном языке XVIII в. привели к тому, что возникли предпосылки к созданию единой достаточно сложной и вместе с тем реальной и жизненной стилистической системы русского литературного языка. Теоретически ее обосновал М. В. Ломоносов, и известна она как «теория трех стилей (или штилей)». В «Предисловии о пользе книг церковных» М. В. Ломоносов писал, что «от рассудительного разбору трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий. Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных. Средний штиль состоять должен из речений больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. <...> Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славянском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удалить по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению».

Приведенная цитата свидетельствует, что М. В. Ломоносов воспринимал церковнославянский («славенский») и русский («российский») языки как различные языки, но оба языка для него были «свои», и оба они, по его представлениям, были гарантиями и защитниками чистоты родного литературного языка. Об этом в том же «Предисловии о пользе книг церковных» М. В. Ломоносова сказано: «Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующие себе красоту из греческого, а то еще через латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют».

Затем из рассуждений М. В. Ломоносова о трех стилях вытекает, что симбиоз и соотношение «славянского» и «русского» языков, их взаимная дополнительность и их жизненность определяются и регулируются системой штилей. Функционирование этой системы объединяет церковнославянский и русский в одном литературном языке, отводя им разные роли в зависимости от жанра. В среднем («посредственном») стиле они объединяются и смешиваются, и именно этому «штилю» в конце XVIII и в начале XIX в. и довелось лечь в основу русского национального литературного языка. Ценно наблюдение М. В. Ломоносова о том, что в его время именно древнеславянский (церковнославянский) определял в разных «стилях» характер соотношения двух языков – «русского» и «славянского», их пропорции и дозы в каждом из «штилей». Определяющая роль «славянского» объясняется тем, что он воспринимался как нормированный язык, тогда как «русский» еще не был нормированным и находился в стадии становления. В XIX в. эта ситуация изменилась коренным образом. Следует отметить также, что в приведенных рассуждениях М. В. Ломоносов говорит о языке литературном, вернее даже о языке литературы и разных ее видов, так как при характеристике каждого «стиля» упоминаются жанры (героическая поэма, ода, театральное сочинение, сатира, эклога, элегия и др.), и не затрагивает вопроса об устной литературной речи.

Проблему устной и письменной формы литературного языка поставило следующее за М. В. Ломоносовым поколение. Н. М. Карамзин предложил устную литературную речь взять в качестве образца для письменной. Сказав «пиши, как говоришь!», он имел в виду тот язык, которым пользовались в петербургских салонах, а отнюдь не говор, который слышался на улице или в деревне. Когда несколько десятилетий спустя в Сербии Вук Караджич повторил лозунг «пиши, как говоришь!», он был обращен к пастухам и пахарям, и в основу сербохорватского литературного языка лег народный говор Восточной Герцеговины.

Сравнение исторических путей развития двух литературных языков – русского и сербского – интересно и поучительно потому, что у обоих языков были общие корни, общая кирилло-мефодиевская традиция, общая связь с древнеславянским (церковнославянским) литературным языком. Но в первой половине XIX в. сербы, приняв реформу Вука Караджича, разорвали эту связь и полностью отказались от нее, а русские эту связь сохранили и ощущают ее по сей день.

Церковнославянская традиция в русском литературном языке. Конец XVIII в. и особенно начало XIX в. могут быть охарактеризованы как эпоха перехода к новой литературно-языковой ситуации, к новым формам литературного языка в его двух разновидностях – письменной и устной. Во всех землях и краях мира *Slavia Orthodoxa* наблюдалось соперничество двух противоположных групп, по-разному определявших пути развития литературного языка, литературы и культуры. Их можно назвать *архаистами (консерваторами)* и *новаторами (революционерами)*. В сербской и болгарской культурной среде победу одержали новаторы, в русской среде победителями не были ни те, ни другие – верх одержала средняя линия, в меру консервативная и в меру новаторская. Старое как национально-историческая книжная основа литературного языка было сохранено в рамках нового литературного языка, опиравшегося на уже достаточно устоявшуюся, нормированную устную речь столичного общества, допускавшего в свой язык элементы просторечия и профессионализмы. Самым существенным фактом, связанным с формированием литературного языка нового времени, была смена ориентации – с письменной традиции на традицию разговорную. В России эта смена не была резкой.

Архаистов (консерваторов) в русской образованной среде представлял А. С. Шишков и его единомышленники, придерживавшиеся ломоносовской теории трех стилей и ориентировавшиеся на церковнославянский книжный язык как основу национального русского языка. Новаторы же, будучи скорее практиками, чем теоретиками, занимали позицию поддержки живого языка, не обремененного книжными речениями. Так, к примеру, для А. А. Бестужева-Марлинского, Н. И. Надеждина и др. басенный язык И. А. Крылова был образцом литературной речи.

Если заслуга создания «нового слога» русской литературной речи принадлежит Н. М. Карамзину, решительно отказавшемуся от высокого слога, или «штиля», опирающегося на церковнославянскую традицию, то роль основоположника современного русского литературного языка, писателя, окончательно определившего его современное развитие, выпала на долю А. С. Пушкина. Классический русский писатель XIX в. И. С. Тургенев сказал: «Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык, и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением». Путь Пушкина не был путем отвержения или отказа от церковнославянской традиции, а был путем слияния этой традиции с русской речевой стихией, путем сохранения богатых стилистических возможностей,

которыми наделен церковнославянский язык. Об этом свидетельствует множество славянизмов в поэтическом языке Пушкина, изобилующем такими формами, словами и оборотами, как *днесь, благой, бранный, хладный, сей, оный, кои, дабы, ибо, токмо, вериги, уста, вяя, нареци, восстать, возлетать, провещать, зреть, блюсти, вельми, паче* и др. Здесь приведены славянизмы, ушедшие из употребления в современном русском языке, но славянизмов, оставшихся в русском языке, во сто крат больше. В качестве примера можно привести первые две строки стихотворения А. С. Пушкина «Пророк»:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,

где, по выражению Л. В. Щербы, все слова, кроме слова *я*, – церковнославянизмы. Слова, вошедшие прочно в русский язык и не ощущаемые как иноязычные по происхождению, Л. В. Щерба называл «историческими церковнославянизмами». Не историческим славянизмом в приведенных строках оказывается только *влачился*.

Стилистическо-синонимическая система современного русского языка. Рассматривая стилистические возможности русского языка, Л. В. Щерба писал, что «особо стоят три, если не четыре соотносительных слоя слов – торжественный, нейтральный и фамилиарный, к которым можно прибавить и четвертый – вульгарный. Их иллюстрировать можно, например, следующими рядами: *лик, лицо, морда, рожа; вкушать, есть, уплетать, лопать* или *жрать*». Нетрудно заметить, что слою торжественный, нейтральный и фамильярный соответствуют ломоносовским «штилям» – высокому, среднему и низкому, а также что *лик* и *вкушать* – церковнославянизмы, а *лицо* и *есть* – русские слова общеславянского происхождения. Что касается слов *морда, рожа, уплетать, лопать* и т. п., то их низкий или фамильярный статус не вызывает сомнения (кстати, число подобных слов-синонимов можно было бы значительно увеличить), в то время как к словам *лик* и *лицо* подобрать синонимы, не нарушая их стилистической – возвышенной (торжественной) и нейтральной – окраски, весьма трудно. К приведенным выше примерам Л. В. Щерба дает пояснение: «В <...> стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов – основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обо- значения <...> тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком <...>». Дополнительный оттенок «торжественности, возвышенности» по отношению к нейтральному

слову будет содержаться почти у всех синонимов церковнославянского происхождения. Продолжая тему лица, дополним пару *лик* – *лицо* парами *уста* – *рот*, *чело* – *лоб*, *ланины* – *щеки*, *очи* – *глаза*, *вежды* – *веки*, *зеницы* – *зрачки*, *глава* – *голова*.

Церковнославянизмы в современном русском литературном языке. Слова *глава* и *голова* относятся к одному праславянскому корню **golva*, но отражают два разных рефлекса, два результата развития одного исконного звуко сочетания *-ol-*: одно южнославянское – *глава* – с неполногласием, другое – восточнославянское – *голова* – с полногласием. Академик А. А. Шахматов свой «Очерк современного русского языка» начал с описания церковнославянских элементов в русском языке. Он выделил 12 групп славянизмов по различным признакам: 1. сочетания *ор*, *ол*, *ер*, *ел* (*град* – *город*, *предок* – *передок*, *глава* – *голова*, *млечный путь* – *молоко*); 2. сочетания *ра*, *ла* в начале слова (*раб*, *работа* – сев.-русс. *робота*, *ладья* – *лодка*); 3. группа *жд* вместо *ж* (*между* – *межа*); 4. аффриката *щ* вместо *ч* (*мощь* – *мочь*, *помощь* – *помочи*, *пещера* – диал. *печора*); 5. гласная *е*, не перешедшая в *о* (*небо* – диал. *нёбо*, *пекло* – *пёк*, *крестный* – *крёстный*); 6. начальное *ю* вместо *у* (*союз* – *узы*, *юноша* – др.-русс. *уноша*); 7. твердое *з* (из *г*) вместо мягкого (*польза* – **пользя*, *нельзя*); 8. гласные *о*, *е* на месте слабых *ѣ*, *ь* (*союз* вместо **суз*, *доска* вместо **дска*, *стекло* вместо **скло*, слова с предлогами *со*, *во*, *воз*); 9. гласные *ы*, *и* на месте напряженных *ѣ*, *ь* (*милий* – *милай*, *добрый* – *добрай*, ср. русск. *седой*, *молодой* и церк.-слав. *сѣдый*, *младый*); 10. формы прилагательных в род. падеже ед. числа и др. (*другаго*, *втораго* – *другово*, *второво*, ср. фамилии *Живаго*, *Мертваго*; теперь вышло из употребления. – Н. Т.); 11. словообразовательные элементы (суффиксы *-тель*: *житель*, *учитель*; *-тельный*, *-тельство*, *-ствие*: *царствие*; *-енство*: *главенство*; *-ес*: *чудеса*, *телеса*; *-ение*, *-ание* и др.); 12. лексика (*присуждать*, *защищать*, *угощать*, *полагать* и многие, многие другие). В прежнем названии нашей страны *Советский Союз* есть четыре церковнославянизма: два из них в приставке *со-*, один – в окончании прилагательного *-ий* и один в форме *юз* (ср. русск. *узы*). Совсем по-русски эти два слова выглядели бы так: **Светской Суз*.

Наш современный русский литературный язык насыщен церковнославянизмами, которых мы обычно не ощущаем, так как они потеряли окраску высокого стиля и стали повседневными, обыденными. В некоторых случаях они даже поменялись местами со своими чисто русскими эквивалентами, как это произошло со словом *враг* 'неприятель', ставшим нейтральным, и его парой – словом *ворог*, получившим

торжественно-приподнятую окраску. Порой мы произносим целые церковнославянские фразы и изречения, не замечая их церковнославянской принадлежности. Например, мы говорим «*Устами младенца глаголет истина*», не задумываясь, что по-русски это бы звучало: «*Ртом ребенка говорит правда*». Но при этом была бы потеряна та необходимая стилистическая окраска, которая придает всему изречению оттенок мудрости. Поиском подобных параллельных фраз занимался почти два века тому назад уже упоминавшийся адмирал Шишков. Он сравнивал фразы *молодая девка дрожит* и *юная дева трепещет* или *к холодному сердцу шею гнет* и *к хладну сердцу выю клонит*, или *опустя голову на ладонь* и *склоняся на длань главою*, или, наконец, *он разодрал себе платье* и *он растерзал свою одежду*. В последнем примере Шишков сопоставлял слова *разодрал* и *растерзал* и говорил, что во французском языке этим двум глаголам соответствует только один глагол *deuchirer*, и потому «французы не могут чувствовать никакой разности, какую мы в своем языке чувствуем». Но каждый язык строит свою стилистическую систему по-своему. Мы же ее во многом зиждем на русско-церковнославянском языковом симбиозе. Скажем «по-славянски»: *на сосуществовании*.

Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. М., 1984.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938. С. 5–47, 178–180, 195–196, 267–268.

Кувев К. М. Черноризец Храбър. София, 1967.

Кульбакин С. М. Древне-церковно-славянский язык. Харьков, 1913. С. 15.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. VII. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л., 1952. С. 589.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 6.

Ликий Р. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 35–332;

Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951. Ч. I. С. 67–93.

Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст. и пер. Б. Н. Флори. М., 1981;

Соболевский А. И. Русский литературный язык // Труды I съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. СПб., 1904. С. 364–365.

Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908. С. 75–93.

Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894. С. 16.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1998.

Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // *Вопр. языкознания*. 1961. № 1. С. 52–66.

Унбегаун Б. О. Язык русского права // *Unbegaun B. O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology*. Oxford, 1969. P. 313–314.

Унбегаун Б. О. Язык русской литературы и проблемы его развития // *Communication le la délégation française et de la délégation suisse*. P., 1968. P. 129.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987. С. 22–72.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 58–60, 72.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 60, 70–89.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 121.

Гльбов И. Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 41–68.

Keipert H. Kirchenslavisch und Latein. Über die Vergleichbarkeit zweier mittel alterlicher Kultursprachen // *Sprache und Literatur Altrusslands*. Münster, 1990. S. 81–109.

Picchio R. Letteratura della Slavia orthodoxa. Roma, 1991. P. 7–62.